

Публикации аспирантов

УДК 81-25

Баранова А.И.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

О НЕКОТОРЫХ СПОСОБАХ ФОРМИРОВАНИЯ КОМИЧЕСКОГО СРЕДСТВАМИ КОММУНИКАТИВНОГО УРОВНЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

A. Baranova

Lomonosov Moscow State University

ON SOME WAYS OF FORMING COMIC EFFECT BY MEANS OF THE COMMUNICATIVE LEVEL OF THE RUSSIAN LANGUAGE

Аннотация. В настоящей статье представлен один из аспектов функционирования средств коммуникативного уровня русского языка – их участие в формировании комического. Данная проблема всегда привлекала внимание исследователей (философов, литературоведов, лингвистов). Особенность нашего подхода заключается в том, что мы рассматриваем создание комического при помощи средств коммуникативного уровня русского языка. Анализ материала (комедии с участием таких актеров, как В. Этуш, С. Филиппов, А. Папанов, Г. Ярон и др.) позволяет выделить целый ряд комических приёмов. В данной статье мы остановимся на двух из них: коммуникативном алогизме и коммуникативной провокации.

Ключевые слова: коммуникативный уровень русского языка, средства коммуникативного уровня, инвариантный параметр, алгоритм развертывания, коммуникативный алогизм, коммуникативная провокация.

Abstract. The article is devoted to the usage of communicative level means in the Russian language, specifically their role in forming comic effect. Many linguists, philosophers and specialists in study of literature have long been interested in this topic. We focus specifically on the analysis of the communicative level means and that makes our research different from others. There are several ways of producing comic effect and in this article two of them are being examined: the communicative alogism and the communicative provocation. The selected examples are drawn from the acclaimed films of V. Etush, S. Filippov, A. Papanov, G. Yaron.

Key words: the communicative level of the Russian language, the means of the communicative level, invariant parameter, the communicative means algorithm, the communicative alogism, the communicative provocation.

Проблема комического всегда привлекала внимание самых разных исследователей (философов, литературоведов, лингвистов). Особенность нашего подхода заключается в том, что мы рассматриваем создание комических приёмов средствами коммуникативного уровня русского языка. Прежде чем перейти к анализу материала, необходимо оговорить основные термины и понятия, используемые в работе.

Исследование выполнено в рамках школы семантического анализа коммуникативной системы русского языка [3, 4, 5]. В основе данного подхода лежит противопоставление двух уровней

© Баранова А.И., 2013.

языка – *номинативного* и *коммуникативного*. При помощи номинативного уровня передаётся информация о действительности, преломлённой в языковом сознании говорящего, коммуникативный уровень отражает соотношение позиций говорящего, слушающего и оцениваемой и квалифицируемой ими ситуации. Система значений коммуникативного уровня включает значения целеустановки, значения конструкций, реализующих данную целеустановку, и значения коммуникативных средств, формирующих данную конструкцию. Средства формирования коммуникативного уровня делятся на две группы. Первую группу составляют собственно коммуникативные средства (междометия, интонация и т. д.), во вторую входят средства, которые функционируют на номинативном уровне, но способны также формировать коммуникативные значения (грамматические категории различных частей речи: время, вид и т. д.). Каждое коммуникативное средство имеет набор инвариантных параметров, подчинённый алгоритму развёртывания, который заключается в антонимическом раскрытии параметра и розыгрыше по позициям говорящий – слушающий – ситуация.

На основе проанализированного материала (фильмы с участием В. Этуша, Р. Плятта, С. Филиппова, А. Папанова, Э. Гарина и др.) можно выделить ряд приёмов формирования комического, которые делятся на две группы. К первой относятся приёмы, которые строятся на соотношении номинативного и коммуникативного уровней. Здесь в свою очередь можно выделить: 1) коммуникативное **обострение** значений, выраженных средствами номинативного уровня; 2) коммуникативное **сокрытие** смыслов, прописанных на номинативном уровне; 3) **контраст** номинативного и коммуникативного значений. Во вторую группу входят приёмы, в которых участвуют только (или в основном) средства коммуникативного уровня. Здесь можно выделить следующие приёмы: 1) коммуникативный алогизм; 2) коммуникативная провокация; 3) разрушение коммуникативного стереотипа.

Необходимо оговорить, что выделенные приёмы редко встречаются в чистом виде, зачастую сосуществуют, накладываются один на другой. В данной статье мы остановимся на тех приёмах, решающую роль в которых играют именно средства коммуникативного уровня. Это способы, относящиеся ко второй группе, а именно коммуникативный алогизм и коммуникативная провокация.

Приём *коммуникативного алогизма* заключается в соединении несовместимых (с точки зрения законов функционирования русской коммуникативной системы) по семантическим инвариантам и реализациям средств. Данный приём мы проиллюстрируем примерами из двух фильмов: «Кавказской пленницы» и «Берегись автомобиля». Нас будут интересовать эпизоды с участием В. Этуша и А. Папанова.

В «Кавказской пленнице» перед Этушем стояла задача передать обобщённый образ уроженца Кавказа, не привязывая его ни к одной конкретной национальности. Для этой цели актёр обращается к гетеростереотипу – обобщённому представлению русских о данном типе культуры – и придумывает для его передачи особый, ложный акцент, не соотносимый ни с одним из реальных языков этого региона. Особенность акцента, созданного Этушем, заключается в том, что актёр отражает не только фонетические, морфологические и другие особенности акцента, но и использует русские коммуникативные средства, которые начинают функционировать в соответствии с представлениями русских о языковом поведении жителей Кавказа. При этом зачастую использование некоторых средств нарушает законы функционирования русской коммуникативной системы, что и формирует комический эффект.

Приведём примеры.

Саахов знакомится с Ниной (героиня Н. Варлей).

Дядя Нины: Моя племянница.

1 3
 Саахов: А!/¹ Очень приятно,³/ да?/³ Очень
 2
 приятно!
 Нина: Нина.
 Дядя Нины: Студентка. Учится в
 педагогическом институте. 2 3
 Саахов: А!/⁶ [буџт] готовить наш смену,²/ да?³
 Дядя Нины: Отличница. Комсомолка.
 Спортсменка. 3
 Саахов: Спортсменка?
 Нина: Дядя про меня всё знает.
 Саахов: Отличница и комсомолка – это как.
 6 2 3
 раз/⁶ то, что нам нужно,²/ да?³

В данном эпизоде нас интересует коммуникативное *да*. Инвариантным параметром русского *да* является адекватность-неадекватность позиции слушающего (говорящего, третьего лица) и ситуации, с точки зрения одного из собеседников¹. Этуш соединяет данное средство с этикетной фразой: *Очень*
 1 3
приятно,¹/ да?³ Такое совмещение фатической конструкции, отражающей занятую позицию говорящего, и коммуникативного *да*, при помощи которого говорящий просит у собеседника подтверждения адекватности своей позиции, невозможно в русской коммуникативной системе. Все последующие *да* в данном диалоге стоят на своих местах и возможны в русском языке (например, [буџт] готовить наш смену,²/ да?³), но под влиянием первого *да* они также начинают формировать акцент и работать на создание комического.

Таким образом, абсолютно несмешной на номинативном уровне текст при помощи средств коммуникативного уровня приобретает совершенно иное звучание. Для того чтобы продемонстрировать решающую роль коммуникативных средств, уберём их из данного диалога.

- *Моя племянница.*

¹ Здесь и далее инвариантные параметры коммуникативных средств даются по [3] и материалам спецкурса «Анализ коммуникативной семантики звучащего текста», прочитанного М.Г. Безяевой на филологическом факультете МГУ имени М.В.Ломоносова в 2009/2010 гг.

- Очень приятно.
 - Нина.
 - Студентка. Учится в педагогическом институте.
 - А. Будет готовить нашу смену?
 - Отличница. Комсомолка. Спортсменка.
 - Спортсменка?
 - Дядя про меня всё знает.
 - Отличница и комсомолка – это как раз то, что нам нужно.

Рассмотрим ещё одну коммуникативную единицу, которая используется Этушем для создания комического акцента. Это выражение *клянусь, честное слово*, которое связано с идеей клятвы, отражающей кавказский гетеростереотип. В данном выражении словоформа *клянусь*, казалось бы, естественно сочетается с такой коммуникативной единицей, как *честное слово*. Однако алгоритм развёртывания, которому подчиняется *честное слово*, даёт возможность ряда реализаций данного средства.

Русское *честное слово* имеет следующие параметры: неприятие позиции говорящего собеседником как не соответствующей норме развития ситуации или норме его поведения, параметр воздействия на собеседника. Согласно алгоритму развёртывания, *честное слово* может иметь следующие реализации: 1) неприятие собеседником позиции говорящего, параметр воздействия на собеседника (например, клятва); 2) неприятие говорящим позиции собеседника или небенефактивного развития ситуации (например, возмущение); 3) принятие говорящим позиции собеседника или бенефактивного развития ситуации (например, восхищение).

Как видно, *честное слово* согласуется с *клянусь* по первому параметру, выражая идею клятвы. Однако посмотрим, как употребляется данное средство героем Этуша. В качестве примера приведём сцену спора Саахова и дяди Нины (герой Ф. Мкртчяна) о величине выкупа за невесту.

Дядя Нины: Слушай, как тебе не стыдно? Обижает сиротку. У неё же кроме дяди и тётки никого нет! Двадцать пять.

Саахов: *Эт¹о неправд³а./ да?³./ Эт³о неправд³а./ Я
в[ц]сокоценн¹о твою уважаемую племянницу./
но все³му ест³ь пред³ел./ да?³./ Восемна²дцать.*

Дядя Нины: *Имей же совесть! Ты же... ты же
всё-таки не козу получаешь, а жену! И какую!
Студентка, комсомолка, спортсменка,
красавица! И за всё это я прошу двадцать
пять баранов. Даже смешно торговаться!*

Саахов: *Апо-аполитично... рассу²ждаец²ь./
аполитично рассу²ждаец²ь./ клян²усь, честное
слово!/. ... Не... понима²ец²ь... политическо²й
ситуаци²и!/. Ты жизнь² види³шь тольк³о из окн³а/
моего персональн³ого автомоби²ля./ клян²усь,
честное слово!*

Вспомним, что клянусь поддерживает первую реализацию честного слова (идея клятвы), однако в данной реплике Саахова (и во всех его последующих репликах) честное слово выступает во второй реализации, формируя целеустановку возмущения, поэтому оно не может сочетаться с данной глагольной формой. Игра несовместимыми реализациями становится в данном случае источником комического.

На создание комического акцента здесь также работает и коммуникативное да. Эта единичка, при помощи которой говорящий просит у собеседника подтверждения адекватности своей позиции, соединяется со средствами, указывающими на отстаивание говорящим своей точки зрения: *Эт¹о неправд¹а./ да?¹./ все³му ест³ь пред³ел./ да?³./*

Итак, в «Кавказской пленнице» коммуникативный алогизм участвует в создании комического акцента. Посмотрим, как используется данный приём А. Папановым в комедии «Берегись автомобиля». Герой Папанова – Семён Васильевич – это «отрицательный» положительный персонаж. Номинативное содержание его высказываний говорит о том, что перед нами резонёр, носитель норм социума. Однако средства коммуникативного уровня снижают образ, делая

его отрицательным. Эту функцию выполняют ошибки в речи, просторечия, а также алогичное употребление коммуникативных средств. Рассмотрим пример.

Инга: *Папочка./ У Топтунова дачу отбирают.
Семён Васильевич: И правильно отбирают./
Давно² пора./ С... жульём... допустим... над²о
бороться. <...> Ты мне скажи, на какие
заработки/ заместитель директора
трикотажной фабрики/ отгрохал себе
двухэтажный особняк?*

Дима: *Семён Васильич,/ это его/ дело!*

Семён Васильевич: *Нет, наш[а]!/. Мы будем
просто-таки нещадно бороться с лицами/
живущих на, допустим, нетрудовые доходы.*

В данном примере алогично с точки зрения русской коммуникативной системы употребление допустим. Русское допустим несёт идею наличия вариантов развития ситуации, соотношения оценок. Однако оно употребляется говорящим в ситуации, не допускающей никаких других вариантов. Все остальные средства указывают на активность позиции говорящего. Это ИК-2 со значением введения единственно верного варианта, ИК-6 с параметром знания, усиление фонетической самостоятельности каждого слова, продвижение гласных вперёд и т. д. Таким образом, номинативные средства формируют образ резонёра, а коммуникативные говорят о неспособности героя адекватно выразить свою мысль, что может свидетельствовать о невозможности понять ситуацию.

Итак, в рассмотренных фильмах при создании комического Этуш и Папанов используют приём коммуникативного алогизма. В «Кавказской пленнице» данный приём (вместе с другими средствами номинативного и коммуникативного уровня) участвует в формировании коммуникативного акцента, а в комедии «Берегись автомобиля» снижает положительный образ резонёра.

Теперь перейдем к следующему приёму – коммуникативной провокации. Он заключается в контрасте ожидаемого и реализованного вариантов, то есть средства коммуникативного уровня подводят нас к одному варианту развития событий, но затем неожиданно реализуется другой вариант.

Данный приём мы рассмотрим на примере эпизодов из следующих комедий: «12 стульев» (Марка Захарова), «Бриллиантовая рука» и «Мистер Икс».

В фильме «12 стульев» данный приём используется С. Филипповым, например, в сцене разговора его героя (Кисы) с Лизой (героиня Н. Варлей).

Лиза: А, простите за нескромность,² сколько же вам лет?³

Киса: К науке, которую я в данный момент представляю,⁶ это не имеет никакого отношения.²

Лиза: А всё-таки?² Тридцать?²

Киса: О-хо-хо-хо-хо!⁶

Лиза: Сорок?³

Киса: А-ха-ха-ха-ха!⁶

Лиза: Пятьдесят?^{3 \ / \}

Киса: Хо-хо-хо-хо-хо-хо!⁶ Почти.¹ Тридцать восемь.²

В данном случае провокация создаётся за счёт смеха, который начинает функционировать на коммуникативном уровне. Обратим внимание на то, что разные типы смеха имеют свои инвариантные значения: междометие хо маркирует расхождение представлений героини и знаний Кисы, а междометие ха означает, что Лиза никак не может войти в новую ситуацию, то есть угадать его возраст. Данные смыслы поддерживаются ИК-6, привлекающей внимание к неназванной информации, известной говорящему и неизвестной собеседнице и зрителю. Подчёркивая некомпетентность героини, Киса побуждает её предлагать всё новые варианты. В тот момент, когда зритель и Лиза ждут от Кисы

правильного ответа, происходит обман этого ожидания: он называет вариант, который, во-первых, близок к предложенному изначально, а во-вторых, явно не соответствует истине. Контраст усиливается при помощи значимой паузы, ИК-1 с параметром нормы и ИК-2, подчёркивающим, что именно данный введённый вариант является истинным.

Заметим, что в тексте-оригинале – романе И. Ильфа и Е. Петрова «12 стульев» – в рассмотренной сцене функционируют только средства номинативного уровня, что подтверждает то, что комический эффект в фильме формируется в первую очередь за счёт коммуникативных средств [8, с.128].

Лиза: А сколько вам лет, простите за нескромность?

Киса: К науке, которую я в настоящий момент представляю, это не имеет отношения.

Лиза: Но всё-таки? Тридцать? Сорок? Пятьдесят?

Киса: Почти. Тридцать восемь.

В «Мистере Икс» коммуникативная провокация – основа комического в одной из самых известных сцен фильма. Каролина (Г. Богданова-Чеснокова) и Пеликан (Г. Ярон) вспоминают о своей первой встрече.

Пеликан: А вы были ребёночком.³ <...> И такая маленькая-маленькая!⁵

Каролина: Маленькая (даёт ему руку).²

Пеликан: Такая пухленькая-пухленькая! (гладит её по руке)⁵

Каролина: Пухленькая-пух...⁶

Пеликан: Такая рррозвенькая-ррозвенькая!⁵

Каролина: Розвенькая./ Ой.²

Пеликан: Как поросёночек.⁵

Каролина: Как поросёночек.²

Пеликан: И вот этот поросёночек/ рос, рос...⁶

Каролина: Рос, рос...⁶

Пеликан: И выросла такая большая...⁶

Каролина: *И выросла такая большая... / ↑² Э! / ↑² Э! / Что выросло?*

Пеликан: *Что выросло, то выросло. / Теперь уж не вернёшь.*

В данном случае коммуникативная провокация заключается в том, что негативное содержание высказывания не поддерживается коммуникативными средствами и до конца не эксплицируется. На номинативном уровне диалог развивается позитивно: Каролина и Пеликан вспоминают о своей первой встрече и о том, какими они были. Эти значения поддерживаются такими коммуникативными средствами, как ИК-6, высокий фонетический регистр, расслабленная артикуляция. Однако при сохранении позитивных коммуникативных средств в конце Пеликан вводит однозначный номинативный намёк, содержащий негативную оценку, хотя и не эксплицированную (*И выросла такая большая*). Каролина же реагирует на коммуникативные средства, не замечая номинативного содержания, поэтому её ответная реплика, представляющая собой повтор фразы, только что произнесённой Пеликаном, комична. Коммуникативная дорожка позволяет не эксплицировать номинативный намёк, а резкое осознание героиней невыраженного смысла формирует яркий комический эффект.

В вышерассмотренных примерах коммуникативная провокация разворачивалась в рамках эпизода. Однако данный приём может реализоваться в одном лишь предложении. Приведём пример такой провокации из кинофильма «Старая, старая сказка».

Король (герой Этуша) обещал дать в приданое за своей дочерью полкоролевства. Наступает день свадьбы, Король беседует с женихом.

Король: *Ну / поскольку у нас ещё / минут десять есть, / давай поговорим / о делах. / В приданое / я тебе... / мна-мна... / обещал, / мол, полкоролевства. / Нет, я от своих слов не отказываюсь. / Владей.*

Этуш разыгрывает коммуникативную провокацию в рамках одного предложения. Значения, прописываемые на номинативном уровне, не противоречат обещаниям Короля (в приданое я тебе обещал полкоролевства), однако на коммуникативном уровне возникает другой смысл. Коммуникативное *м* (с параметром пропуска информации через систему знаний и представлений), соединяясь с коммуникативным *н* (со значением отклонения от нормы) и ИК-6 с параметром знания переходят в приставку *на-*, которая при соединении с соседним глаголом даёт форму *наобещал*, передавая коммуникативный смысл отказа от намерения. Хотя границей синтагмы после «на» Этуш останавливает провокацию, затем вновь появляется ИК-6, привлекающая внимание к неэксплицированной информации, и коммуникативное *мол*, отсылающее к прежней позиции героя, вводя значение нежелания говорящим реализовывать данный вариант поведения. И после этого актер опять номинативно исключает только что введённую коммуникативную провокацию: *Нет, я от своих слов не отказываюсь. / Владей.* Таким образом, контраст значений, передаваемых номинативными и коммуникативными средствами, формирует многократную провокацию.

Итак, в основе коммуникативной провокации лежит такой распространённый способ формирования комического, как обман ожидания. В нашем случае он реализуется за счёт языковых средств, а именно единиц коммуникативного уровня. Они настраивают зрителя на реализацию определённого смысла, но затем ожидания разрушаются (при помощи только коммуникативных или и коммуникативных, и номинативных средств), что и формирует комический эффект.

Подведём итоги. Одним из аспектов функционирования средств коммуникативного уровня русского языка является их участие в формировании комического. Данную функцию они могут выполнять при взаи-

модействии с номинативными средствами или самостоятельно. В настоящей статье мы рассмотрели лишь два приёма: коммуникативный алогизм и коммуникативную провокацию. В основе рассмотренных приёмов лежат фундаментальные принципы создания комического – соединение несовместимого (*коммуникативный алогизм* в нашей терминологии) и обман ожидания зрителя (*коммуникативная провокация*), которые в нашем случае реализуются при помощи коммуникативных средств русского языка. В данной функции может выступать целый ряд средств: интонация, междометия, фонетический регистр, качество артикуляции, синтагматическое членение и др., которые своей коммуникативной семантикой и формируют рассмотренные эффекты.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Баранова А.И. О некоторых способах формирования ложного коммуникативного акцента (на примере кинофильма «Кавказская пленница») // Язык. Литература. Культура. Актуальные проблемы изучения и преподавания: Сборник научных и научно-методических статей. М.: МАКС Пресс, 2010. – Выпуск 6. – С. 171 – 177.
2. Баранова А.И. Коммуникативная интерпретация в комическом киноэпизоде // Материалы III Международной студенческой научной конференции «Казахстан в международном образовательном пространстве». – Алматы, 2011. – С. 125 – 133.
3. Безяева М.Г. Семантика коммуникативного уровня звучащего языка: Волеизъявление и выражение желания говорящего в русском диалоге. – М.: Изд-во МГУ, 2002. – 752 с.
4. Безяева М.Г. Семантическое устройство коммуникативного уровня языка (теоретические основы и методические следствия) // Слово. Грамматика. Речь. Вып. VII: Сборник научно-методических статей по преподаванию РКИ. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2005. – С. 105 – 129.
5. Безяева М.Г. Коммуникативная семантика звучащего художественного текста // Тезисы IV Международного конгресса исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность». МГУ имени М.В. Ломоносова, 20-23.03.2010. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010. – С. 751.
6. Брызгунова Е.А. Интонация и синтаксис // Современный русский язык / Под ред. В.А. Белошапковой. – М.: Высшая школа, 1989. – С. 772 – 792.
7. Брызгунова Е.А. Эмоционально-стилистические различия русской звучащей речи. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. – 116 с.
8. Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев. Золотой теленок. – М.: Моск. рабочий, 1988. – 608 с.
9. Пропп В.Я. Проблемы комизма и смеха. М.: Искусство, 1976. – 183 с.
10. Юрнев Р.Н. Смешное на экране. – М.: Искусство, 1964. – 207 с.